

ЭСТОНЦЫ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ИМПЕРИИ (1900–1917)

ТЫНУ ТАННБЕРГ

Введение

В период Северной войны (1700–1721) бывшие шведские провинции Эстляндия и Лифляндия были присоединены к России (1710), что повлекло за собой и включение территории Эстонии (шире — Эстляндской, Лифляндской и позднее Курляндской губерний) в военную систему формирующейся Российской империи. Это был длительный процесс, основными последствиями которого были, во-первых, постепенное привлечение коренных жителей — эстонцев и латышей — к несению воинской повинности (поначалу в рамках рекрутской повинности, позднее — всеобщей воинской повинности и в первой половине XIX в. — в ополчении во время ведения некоторых войн); во-вторых, создание для них возможности несения службы в качестве офицеров Российской армии.

В целом в процессе интеграции территории Эстонии в военную систему Российской империи можно выделить три периода:

- 1) 1710–1796 — период, когда территория Эстонии была официально освобождена от государственной воинской повинности (рекрутской повинности) и, по всей вероятности, только отдельные эстонцы служили в качестве офицеров;
- 2) 1796–1874 — период рекрутской повинности, к которой во время ведения некоторых войн добавлялся призыв в народное ополчение; одновременно это был и период, когда все большее число эстонцев дослуживались до офицерских чинов (особенно в конце). За это время с территории Эстонии на военную службу было призвано около 95 000–100 000 че-

ловек, большинство из которых, не пережив тягот службы или пав в бою, никогда не вернулись на родину;

- 3) 1874–1917 — период всеобщей воинской повинности, когда было призвано около 200 000 человек и когда (к концу периода) в Российской армии служило уже более 3000 офицеров-эстонцев.

В задачи настоящей статьи не входит создание цельной картины процесса интеграции территории Эстонии в военную систему Российской империи и последствий этого процесса. Статья в основном не выходит за рамки начала XX века как переломного периода, завершившегося падением самодержавия в 1917 г. и обретением Эстонией независимости в феврале 1918 г. Цель работы:

- охарактеризовать в целом прохождение эстонцами воинской службы в рамках воинской повинности;
- проанализировать формирование эстонского офицерства в составе Российской армии;
- описать сосредоточение на территории Эстонии в 1917 г. находившихся на воинской службе эстонцев — и солдат, и офицеров — с целью создания национальных воинских частей;
- выявить, что дала эстонцам служба в Российской армии как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Эстонцы и всеобщая воинская повинность

В 1874 г. в России устаревшая форма комплектования войска — рекрутский набор — была заменена всеобщей воинской повинностью. По закону 1874 г. она распространялась на всех мужчин, достигших 21 года (позднее — 20 лет) независимо от их сословной принадлежности. Необходимое число новобранцев набирали на действительную службу по жребию. Срок службы в пехоте первоначально составлял 15 лет, в том числе 6 лет в строю и 9 в запасе. К началу Первой мировой войны срок службы в пехоте составлял 3 года в строю и 15 лет в запасе. Срок службы на флоте составлял 10 лет: 5 лет — действительная служба и 5 лет — в запасе. Прошедшие действи-

тельную службу уходили в запас и позднее зачислялись в ополчение, куда шли также те призывники, кто по жребию не был призван на действительную службу. В мирное время на действительную службу призывались в среднем 25–30% всех призывников, в военное — количество призванных на действительную службу было, разумеется, больше.

В период Первой мировой войны были установлены временные инструкции набора новобранцев, согласно которым набор по жребию более не производился: теперь на службу призывали на основании списков призывников в обязательном порядке. Освобождали от воинской службы различные исключительные семейные обстоятельства, религиозные причины, а также физическая непригодность (15–20% ежегодного контингента). На действительную службу не призывался единственный кормилец семьи. От воинской повинности также были освобождены жители целого ряда регионов (в первую очередь Средней Азии и Кавказа). Финны до 1901 г. также несли воинскую повинность на основании своего закона, затем были от нее освобождены. В целом в начале XX в. около 20% мужского населения России было освобождено от воинской повинности.

В период всеобщей воинской повинности в мирных условиях из Эстонии ежегодно призывалось 1200–2200 новобранцев. Всего в 1875–1913 гг. в Российскую армию из Эстонии было призвано около 100 000 человек. Если же к этому добавить эстонцев, призванных из других губерний (до 10 000), — общее число призванных на воинскую службу эстонцев составит примерно 110 000 человек. Большинство эстонцев были направлены на службу в другие губернии России. В последнее десятилетие XIX в. большая часть эстонцев-новобранцев отправлялась для доукомплектования воинских частей, расположенных в Польше¹.

¹ Подробнее о всеобщей воинской повинности см.: *Tannberg, T.* “Tsaar kui kutsus oma lapsi...”. 1914. aasta mobilisatsioonidest Eestija Liivimaa. Eesti Ajaloarhiivi toimetised 3 (10). Tartu, 1998. Lk 193–212.

Национальный состав новобранцев довольно точно отражает национальный состав Российской империи, а также демографическое развитие в целом. Если в первые годы всеобщей воинской повинности эстонцы составляли немногим более 1,1–1,2%, из всего количества новобранцев, призванных со всей России, то накануне Первой мировой войны (1910 г.) этот показатель достиг 0,7%. Для сравнения можно указать на то, что доля латышей среди новобранцев в 1867 г. составляла 1,8%, в 1878 г. 1,33% и в 1910 г. 1,07%. Важно помнить, что эстонцы призывались и из других регионов России, в первую очередь из тех, где эстонцы оказались в результате переселенческого движения на протяжении второй половины XIX в. Например, в 1910 г. в Российскую армию было призвано 3016 эстонцев, в том числе из Эстляндии 1213 и из Лифляндии 1597, или из двух губерний в целом 2810 человек. Остальные эстонцы, призванные на службу в армию — 206 человек, — происходили из Петербургской (128), Псковской (28), Самарской (11) и еще 11 из других губерний России². Таким образом, в 1910 г. 6,8% призванных на службу эстонцев призывались за пределами Эстляндской и Лифляндской губерний.

Полностью всеобщая воинская повинность была реализована в России в период Первой мировой войны (1914–1918), когда наряду с резервом на службу было привлечено и ополчение. В 1914 г. с территории Эстонии на службу было призвано 17 600 резервистов, 3 500 новобранцев и около 14 500 ополченцев³. Таким образом, в первый год войны с территории Эстонии всего на службу было призвано более 35 500 человек или не менее 7% мужского населения. Всего в период Первой мировой войны в ходе многочисленных мобилизаций и воинских призывов с территории Эстонии было призвано около 100 000 человек, более 10 000 из которых пало на поле брани или пропало без вести.

Мобилизации и воинские призывы, производившиеся в период Первой мировой войны, имели важные демографические,

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 384.

³ *Tannberg, T.* “Tsaar kui kutsus oma lapsi...”. Lk 193–212.

экономические и социальные последствия. За годы войны в Эстонии в значительной степени уменьшилось трудоспособное мужское население (на хуторах количество трудоспособных мужчин уменьшилось на 30%, в поместьях — на 45%), и обычное демографическое развитие было резко дестабилизировано. На повестку дня встала острая социальная проблема поддержки семей воинов, призванных на службу и погибших на войне. В ходе войны территория Эстонии стала непосредственным фронтовым тылом, где располагался многочисленный воинский контингент. Численность находившегося на территории Эстонии войска составляла 100 000–150 000 человек. Содержание этого воинского контингента в значительной степени легло на плечи местного населения.

Офицеры-эстонцы в Российской армии

Отдельные офицеры-эстонцы служили в Российской армии уже в XVIII и начале XIX в., однако мощный толчок для формирования эстонского офицерства в составе Российской армии дало создание в 60–70-е гг. XIX в. юнкерских (позднее военных) училищ. Многие эстонцы использовали расширившиеся в связи с этим возможности получения военного образования за счет государства, что позволяло, несмотря на стесненность социальных условий, найти более перспективные возможности самореализации в качестве профессионального военного. Важную роль сыграло также то обстоятельство, что этот процесс происходил на фоне подъема общеобразовательного уровня эстонцев во второй половине XIX в., а также на фоне повышения уровня владения русским языком, как следствия кампании по русификации. Особенно сильно возросло число эстонцев, стремящихся стать офицерами, в начале XX века.

Таким образом, в этот период — во второй половине XIX — начале XX в. — в составе Российской армии начинает формироваться эстонское офицерство⁴. За период с 1870 по 1914 гг.

⁴ Подробнее о формировании эстонского офицерства см.: *Krõõnström, M. Eesti rahvusest ohvitserid Vene armees 1870–1917. Magistritöö. Tartu, 1999.*

военные училища окончили и получили первый офицерский чин около 260 эстонцев. Самым популярным среди эстонцев военным учебным заведением было Виленское юнкерское училище (его окончило не менее 76 эстонцев). Сравнительно много эстонцев (52 человека) училось и в Петербургском юнкерском училище. Кроме кадровых в Российской армии накануне Первой мировой войны числилось еще около 200 эстонцев-офицеров запаса. Таким образом, накануне Первой мировой войны было более 460 офицеров-эстонцев, которые в начале 1914 г. составляли около 0,4% всей численности офицеров Российской армии.

Первая мировая война стала важным этапом формирования эстонского офицерства. С ее началом в 1914 г. в дополнение к находившимся на действительной службе кадровым офицерам было мобилизовано более 180 эстонцев-офицеров запаса (в основном прапорщики запаса). В ходе войны школы прапорщиков окончили или прошли ускоренный курс военных училищ около 2200 эстонцев. Большая часть их вышла из школы прапорщиков в 1917 г. Осенью того же года в Российской армии служило около 3000 офицеров-эстонцев (более 90% их — в пехоте), среди них несколько десятков штабных офицеров и офицеров Генерального штаба и, как минимум, три генерала. Наряду с тремя командующими дивизиями и бригадой, а также с десятком командиров полков, на фронте сражалось около 600 эстонцев в чине ротного или батальонного командира. Около 30 эстонцев получили высшее военное образование, т.е. окончили Академию Генерального штаба или какое-либо другое высшее военное учебное заведение. Осенью 1917 г. офицеры-эстонцы составляли уже около 1,2% всей численности офицеров Российской армии. В боях Первой мировой войны погибло или пропало без вести не менее 120 офицеров-эстонцев, большинство из которых были офицерами военного времени (по имеющимся данным погибло 33 кадровых офицера).

Создание национальных воинских частей в 1917 г. — сосредоточение эстонцев на родине

Уже с начала мировой войны в среде эстонских военных и общественных деятелей был поднят вопрос о создании национальных воинских частей, особенно же актуальным он стал после того, как латышам в 1915 г. удалось получить разрешение правительства на создание стрелковых полков⁵. Общественные деятели в Юрьеве во главе в Я. Тыниссоном считали, что эстонцы должны, по примеру латышей, добиваться создания национальных полков, чтобы использовать их для обороны эстонской территории. Политические круги в Ревеле, напротив, считали создание таких частей преждевременным (Ю. Вильмс и др.), опасаясь, что командование Российской армии укомплектованные эстонцами части в ускоренном порядке пошлет, как это было сделано с латышскими частями, на фронт, где многие бессмысленно погибли. Преобладающей поначалу осталась позиция политических кругов Ревеля.

Положение изменилось после свержения самодержавия. После февральских событий 1917 г. во всей империи как сквозь плотину прорвалось национальное самосознание, стремление малых народов к автономии и независимости. Армия — до тех пор одна из основных опор монархии — начала разлагаться. Стремление малых народов империи к самоопределению в гораздо большей степени, чем прежде, поставило на повестку дня вопрос об отправке военнослужащих домой и о создании национальных воинских частей. Эти процессы порождали, конечно же, и усталость от войны, и тоска по дому, почему инициатива о сосредоточении национальных воинских контингентов на их родине исходила из среды самих военных⁶.

⁵ Подробнее о создании латышских национальных воинских частей см.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323, 324, 327.

⁶ См. основные исследования по истории формирования эстонских национальных воинских частей: *Kurvits, O. Eesti rahvusväeosade loomine 1917–1918. 1. Eesti polk I.* Tallinn, 1930; *Kurvits, O. Eesti rahvusväeosad 1917.–1918. a. // Eesti rahvusväeosade album II.* Tal-

Так было и со служившими в Российской армии эстонцами. Инициатива военных была теперь поддержана и общественными деятелями. В Петербурге и Ревеле, а также во многих воинских частях стали создаваться специальные военные организации и комитеты, которые начали заниматься отправкой эстонцев на родину.

С углублением дезорганизации армии Временное правительство во имя укрепления дисциплины было готово поддержать создание национальных воинских частей. Комендант Крепости Императора Петра Великого в Ревеле также счёл, что эстонизация одной из воинских частей способствовала бы обеспечению порядка. В апреле 1917 г. было получено разрешение Генерального штаба на укомплектование эстонцами двух крепостных полков в Ревеле⁷. Так была создана база для создания национального полка.

За короткий срок в Ревеле были сосредоточены 4 тысячи военнослужащих-эстонцев. Однако это раздражало большевиков, которые вели активную пропаганду против создаваемого национального полка, требуя его немедленно распустить. Полк распущен не был, однако эта контрпропаганда оказала свое влияние. Тогдашний военный министр А. Керенский дал, наконец, 7 мая официальное разрешение на формирование 1-го Эстонского полка при условии, что это будет делаться за пределами Ревеля — в Везенберге (совр. Раквере). Так и поступили.

В середине июня 1917 г. в Таллинне состоялся 1-й съезд воинов-эстонцев, который счёл необходимым продолжить создание национальных воинских частей и продолжить сосредоточение военнослужащих-эстонцев на родине. Центральным политическим институтом, который должен был координировать формирование национальных воинских частей, стал из-

linn, 1937. Lk 11–33; *Lokk, V. Eesti rahvusväeosad 1917–1918*. Tallinn, 2008.

⁷ РГАВМФ. Ф. 949. Оп. 1. Д. 680. Л. 1–3. Комендант крепости отмечает в своем обращении, что местные общественные деятели обещали всячески поддержать это мероприятие.

бранный на съезде Верховный комитет воинов-эстонцев. Неизбежным стало создание новых воинских частей и формирование объединяющего их более крупного воинского соединения. Но в своих обращениях к военным властям различные организации действовали без должной координации своих действий, добиваясь создания и корпуса, и дивизии, и бригады⁸.

Военные власти не дали поначалу разрешения на создание более крупного воинского соединения, но комплектование новых национальных воинских частей, тем не менее, продолжалось. Германское наступление в Прибалтике существенно ускорило этот процесс. Осенью 1917 г. было начато формирование запасного батальона в Юрьеве⁹. В Ревеле началось формирование 3-го Эстонского полка, который должен был обеспечить порядок и безопасность в городе. Постепенно менялось и отношение военных властей к созданию дополнительных национальных воинских частей.

В декабре 1917 г. наконец было получено разрешение на создание Эстонской дивизии, в состав которой должны были входить четыре пехотных полка, кавалерийский полк, артиллерийская бригада. 2-й Эстонский полк комплектовался побатальонно в Пернове (Пярну), Феллине (Вильянди) и Вейсенштейне (Пайде), 4-й — в Везенберге (Раквере). Формирование кавалерийского полка шло в Феллине (Вильянди), а артиллерийской бригады в Гапсале (Хаапсалу). Был создан штаб Эстонской дивизии, временно исполняющим обязанности начальника которого был назначен подполковник Я. Соотс. На должность командира дивизии был приглашен полковник Й. Лайдонер, который вступил в должность 23 декабря 1917 г.

Й. Лайдонер возглавил Эстонскую дивизию в довольно-таки сложное время. В России произошел большевистский переворот, и в национальных воинских частях также усиливались коммунистические настроения, особенно в Таллинне и Тарту. Влияние большевиков в национальных воинских частях

⁸ Подробнее см.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 355. Л. 34–83.

⁹ *Meos, E. Eesti Tagavarapataljon ja temaga ühenduses olevad sündmused 1917–1918. Tartu, 1928. Lk 7–12.*

все же не оказалось преобладающим, и, в конечном счете, национальные воинские части стали существенным фактором реализации идеи создания независимого национального государства.

Заключение

1. Последствия несения воинской повинности (рекрутской, всеобщей воинской, ополчения) были разнообразными, но в целом они могут быть подразделены на три группы: демографические, экономические и социальные¹⁰. *Демографические* последствия означали именно непосредственные людские потери, которые влекли за собой разнообразные изменения в процессе развития народонаселения. Потери народонаселения, обусловленные воинской повинностью, могли быть, в свою очередь, невосстановимые и восстанавливаемые. В первом случае имели место прямые людские потери (умершие, погибшие в боях и т.п.), во втором же призванные на военную службу возвращались домой или после завершения службы, или же раньше, выходя по какой-либо причине в отставку. В период рекрутской повинности имели место преимущественно невосполнимые потери, так как по причине тяжелых условий службы, длительного срока и т. п. большинство рекрутов на родину не возвращалось. Из призванных в период 1797–1874 гг. рекрутов около 70 000–80 000 или умерло из-за тягот службы, или погибло на поле брани. Влияние прямых людских потерь чувствительно отражалось на демографическом развитии населения: уменьшались брачность и рождаемость, в результате чего замедлялся и становился скачкообразным естественный прирост населения (неродившиеся дети), ухудшалась половая и возрастная структура общества. В период всеобщей воинской повинности имели место преимущественно восполнимые по-

¹⁰ Подробнее см.: *Tannberg, T. Das Imperium und sein Grenzgebiet. Hauptzüge und Eigenarten der Rekrutenordnung in den baltischen Gouvernements (1796–1874) // Festschrift für Vello Helk zum 75. Geburtstag: Beiträge zur Verwaltungs-, Kirchen- und Bildungsgeschichte des Ostseeraumes. Tartu, 1998. S. 323–330.*

тери, однако в годы Первой мировой войны погибло более 10 000 новобранцев-эстонцев. В заключение можно сказать, что до 1917 г. с территории Эстонии в Российскую армию было призвано около 300 000 человек, 95 000 из которых никогда не вернулось на родину. *Экономические* последствия выражались, в первую очередь, в материальных и денежных затратах населения, связанных с содержанием войск, выполнением обозной повинности, снабжением рекрутов (ополченцев) одеждой, провиантом и деньгами, а также с прочими повинностями и платежами. Эти повинности и платежи в XIX в. преимущественно возлагались на общину. При введении всеобщей воинской повинности эти расходы взяло на себя государство. *Социальные* последствия воинской повинности были связаны, прежде всего, с вызываемыми несением рекрутской повинности социальными переменами, происходившими в эстонской деревне, в которой возникли совершенно новые социальные группы — отставные солдаты, солдатки, солдатские дети или кантонисты. В целом, особенно тяжелыми последствиями несения воинской повинности были в годы больших войн: наполеоновских войн, Крымской войны и Первой мировой войны.

2. Более тесная интеграция территории Эстонии в военную систему Российской империи предоставляла для эстонцев (и других народов) со второй половины XIX в. все большие возможности получить профессиональное образование в военных училищах и стать офицером. Для большинства поступление в военное училище было вынужденным шагом, так как на родине возможности самореализации были крайне скудными. Это касалось, в первую очередь, многодетных крестьянских семей, в которых у младших сыновей отсутствовала какая-либо надежда стать в будущем владельцем хутора. Военные же училища в условиях того времени давали основательное образование, а карьера офицера в Российской армии была во всех отношениях подходящей возможностью самореализации, которой сопутствовал также подъем социального статуса хотя бы и потому, что уже первый офицерский чин давал права личного дворянства.

3. Формирование национальных воинских частей позволило сосредоточить на территории Эстонии большинство эстонцев — солдат и офицеров, служивших в Российской армии, без которых была бы немислимой победа в Освободительной войне и в дальнейшем создание и развитие армии Эстонии. В сложной внутривполитической и военной обстановке 1917 г. эстонские национальные воинские части были силой, стабилизирующей общество и пролагающей дорогу национальной независимости Эстонии, которая была провозглашена 24 февраля 1918 г.